



Новгородскія Епархіальныя Вѣдомости.

№ 5.

Цѣна съ пересылкой

4 р. 50 к.

Отдѣльно № 10 к.

ВЫХОДЯТЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

3 Февраля.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:
НОВГОРОДЪ.

Редакція «Епархіальныхъ
Вѣдомостей»

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Преподается Архипастырское Его Высокопреосвященства благословеніе.

Священнику Мегорской церкви, Бѣлозерскаго уѣзда, Кириллу Добромыслову, за проявленное имъ мужество при исполненіи своихъ обязанностей.

Движеніе и перемѣны по службѣ.

Діаконъ Ильинской, что подъ городомъ Кирилловымъ, церкви Петръ Поповъ уволенъ за штатъ, а на его мѣсто назначенъ псаломщикъ Бѣлозерскаго собора Иванъ Увѣрскій, 17 января.

На праздное священническое мѣсто къ Новгородской градской Успенской церкви перемѣщенъ псаломщикъ Боровенской церкви, Крестецкаго уѣзда, Сергій Рождественскій, 19 января.

Псаломщикъ Луженской церкви, Демянскаго уѣзда, Михаилъ Покровскій перемѣщенъ къ Бабинской церкви, Новгородскаго уѣзда.

Праздныя вакансіи.

Священническія: При Междоузерской церкви, Бѣлозерскаго уѣзда и при Трубской—Боровичскаго уѣзда, Пересицкой—Старорусскаго уѣзда и при Носовской—Череповскаго уѣзда.

Діаконскія: При Николаевской Шугободской и Николаевской Раменской—Череповскаго уѣзда, и при Черновской—Новгородскаго уѣзда.

Псаломщическія: При Демянскомъ соборѣ, Шужболенской—Бѣлозерскаго уѣзда, Великопорогской—Боровичскаго уѣзда, Мологской—Устюжнскаго уѣзда, Боровенской—Крестецкаго у., Бѣлозерскомъ соборѣ, Бѣлозерской градской Спасской церкви и при Луженской—Демянскаго уѣзда.

Отъ Новгородскаго Отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

Отдѣлъ покорнѣйше просить: 1) Устроителей чтеній о Св. Землѣ къ 1 Марта сего 1906 года не отказаться представить въ оный свѣдѣнія о проведенныхъ ими чтеніяхъ съ 1 Марта 1905 года и по 1 Марта 1906 г., если возможно, по формѣ, указанной въ № 3 Епарх. Вѣд. за 1905 г.; 2) всѣхъ лицъ, имѣющихъ у себя сборныя кружки изъ Отдѣла, сдѣлать изъ нихъ высылку сряду же по полученіи № 5 Епарх. Вѣд. и деньги съ актами представить въ Отдѣлъ (Отдѣлъ надѣется, что имѣющіе у себя сборныя кружки не заставятъ его обращаться къ нимъ съ нарочитыми напоминаніями о кружечной высылкѣ); 3) Отдѣлъ обращается съ покорнѣйшею просьбою возвратитъ въ оный сборныя листы, разосланные въ истекшемъ году при отно-

шеніи отъ 25 февраля за №№ 345—665. (Сборные листы эти, хотя бы по нимъ и не было произведено никакого сбора, должны быть возвращены Отдѣломъ въ Канцелярію Общества); 4) Отдѣлъ доводитъ до свѣдѣнія всѣхъ наличныхъ сотрудниковъ или желающихъ потрудиться на пользу Палестинскаго Общества, что въ Отдѣлѣ получены: 1) для веденія чтеній и собесѣдованій брошюры: а) Типы современныхъ русскихъ паломниковъ въ Св. Землю. Проф. А. А. Дмитріевскаго; б) Святая земля для христіанства и Россіи В. С. Ильинскаго; в) Императорское Православное Палестинское Общество; г) Празднества въ Геосиманіи въ честь Успенія Богородицы, Проф. А. А. Дмитріевскаго; 2) для бесплатной раздачи виды Св. земли и листки: а) Палестинское общество и его забота о русскихъ паломникахъ и православныхъ жителяхъ Св. земли б) О пользѣ паломничества ко Св. мѣстамъ Палестины; в) Виѡлеемъ и Рождество Христово; г) Судьбы православныхъ въ Св. Землѣ.

Уполномоченнымъ Отдѣла, а равно и устроителямъ чтеній брошюры и листки будутъ высланы безъ всякаго требованія съ ихъ стороны. Но Отдѣлъ, конечно, былъ бы радъ, если бы къ наличнымъ труженикамъ на пользу общества примкнули и новые, написавши въ Отдѣлъ требованія о высылкѣ имъ брошюръ, листовъ и видовъ.

Редакторъ официальной части

Секретарь Консисторіи *Д. Андреевъ.*

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Атеисту о хиротоніи.

Признаюсь, что отвѣтить Вамъ не легко. Не потому, что — какъ Вамъ кажется — Вы говорите „истину самоочевидную“, а просто потому, что нѣкоторыхъ истинъ, опровергающихъ Вашу „самоочевидность“, доказать нельзя. Нельзя доказать того, что постигается вѣрой. Въ этомъ я вижу главную трудность отвѣта, а потому противъ Вашей „самоочевидности“ выставлю только то, что опровергается не вѣрой, а здравымъ смысломъ...

Вы „не придаете никакого значенія хиротоніи“. Вольному воля! Можно „не придавать никакого значенія“ и Голгоѣ.

Но вотъ что характерно. Вы упоминаете, что Ваше „сердце трепещетъ благоговѣніемъ передъ героями христіанскаго духа, которые протестовали противъ тиранніи и шли на вольныя муки“. Прочитавшій эти строки можетъ подумать, что у Васъ двѣ души: одна произноситъ хулу, а другая „трепещетъ благоговѣніемъ“ передъ... одной и той же священной идеей.

Скажу конкретнѣе. Изъ Вашихъ словъ очевидно, что Вы трепещете предъ величайшимъ „героемъ христіанскаго духа“ — Христомъ. Представимъ же себѣ возможность слѣдующаго. Представимъ, что то самое вино, надъ которымъ были произнесены безпримѣрныя, всколыхнувшія небо и землю, слова: „Сія есть кровь Моя“, — было сохранено апостолами. Представимъ далѣе, что совершая первую „вечерю Христову“, они влили это вино въ чашу и остатокъ этого вина сохранили для слѣдующей „вечери“; представимъ, что въ чашѣ на каждой послѣдующей за тѣмъ „вечери“ соединялось новое вино съ остаткомъ отъ предыдущей вечери; скажите же, г. атеистъ, неужели, видя въ нашемъ храмѣ чашу, къ которой былъ бы хоть одинъ атомъ вина изъ Сіонской горницы, — Вы несмотря на Ваше невѣріе не „вострепетали“ бы благоговѣніемъ передъ этой святыней? Я никакъ не могу представить такого равнодушія въ Вашемъ сердцѣ, если оно дѣйствительно „трепещетъ передъ героями христіанскаго духа“.

То же нужно сказать и о хиротоніи. При мысли о ней передъ мысленнымъ взоромъ даже атеистовъ не можетъ не вставать длинный, имѣющій начало и не имѣющій конца до скончанія вѣка, рядъ людей, въ которомъ голова cadaго хиротонисованнаго человѣка преклонена передъ предыдущимъ, а руки простерты надъ послѣдующимъ. Неужели-жъ не священны эти руки, которыя черезъ посредство предшественниковъ касаются пречистыхъ рукъ самого Христа или, въ крайнемъ случаѣ, — самихъ апостоловъ? Не думаю, что эта „живая цѣпь“, звеньями которой служатъ люди, не имѣетъ „никакого значенія“. Если Вы не чувствуете благодати, которая скрѣпляетъ эти звенья, то неужели Васъ не трогаетъ мысль, что эти руки, которыя осѣняютъ насъ въ храмѣ, касаются „величайшихъ героевъ духа“? Припомните кстати примѣръ „кровоточивой женщины“. Кто прикоснулся ко Мнѣ? — спросилъ Христосъ, — ибо я почувствовалъ, что нѣкоторая сила изшла отъ Меня. — Вѣдь этотъ евангельскій рассказъ „понятенъ“ не только вѣрующимъ, но даже и такимъ людямъ, какъ докторъ Шарко!

Или еще. Въ одной семьѣ мнѣ пришлось увидѣть древнюю икону. Я заинтересовался, но разобраться въ ликѣ не было никакой возможности. Весь почернѣвшій, сплошное темное пятно.

— Это „брачный“ образъ, — догадался разъяснить мнѣ хозяинъ дома: — по семейному преданію тутъ былъ изображенъ св. Николай, котораго мы считаемъ покровителемъ нашего рода. Очень давній, всѣ счисленія времени утеряны. Переходитъ къ старшему сыну.

— Обыкновенно на такихъ иконахъ изображаютъ Спасителя.

— Да, но у насъ такъ ужъ изстари ведется. Отъ сына къ сыну переходитъ. Вотъ выростеть, дастъ Богъ, наследникъ — благословлю и его.

— А ни разу не подновляли?

— О нѣтъ, я — большой суевѣръ...

И „суевѣръ“ какъ-то пугливо улыбнулся.

Мнѣ очень было любопытно узнать, не было ли въ этомъ роду случаевъ, когда старшій сынъ умиралъ до брака, но спросить хозяина было... неудобно, даже какъ будто жутко. Интереснѣе всего въ этомъ случаѣ было то, что мой собесѣдникъ былъ завѣдомо „атеистомъ“!

Нѣтъ ли и тутъ, въ этой привязанности къ родовой иконѣ, чего-то такого, о чемъ въ своемъ родѣ говоритъ всякому человеку (даже невѣрующему) и хиротонія?

Что касается того, будто „нравственныя качества современной іерархіи попираютъ всякое, даже предполагаемое, значеніе хиротоніи“, то на это отвѣчу вотъ что. У Христа было только 12 апостоловъ — и среди этой маленькой семьи, въ непосредственной близости къ Господу, нашелся одинъ — предатель, а другой — трусливый измѣнникъ, отрекшійся отъ Христа, стоя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Него, и видѣвшій, какъ надругались палачи надъ Господомъ. При мысли объ этихъ двухъ „недостойныхъ“ апостолахъ (одинъ изъ которыхъ сталъ, однакожъ, впоследствии достойнѣйшимъ, „первоверховнымъ“), мнѣ думается, что если бы въ наше время, отдаленное отъ Христа девятнадцатью вѣками, среди миллионовъ христіанъ не было „предателей“, — намъ оставалось бы только сказать: мы превзошли апостоловъ. Итакъ, если видите недостойныхъ, „не дивитесь сему“. Скажу и то, что если бы въ наше время столкнулся лицомъ къ лицу съ Іудой каждый христіанинъ, то его сердце закипѣло бы столько же негодованіемъ къ предателю, сколько и благоговѣніемъ къ нему, какъ бывшему апостолу и другу Христову.

Вотъ Вамъ и „хиротонія недостойныхъ“...

О благодати умалчиваю, такъ какъ у Васъ сейчасъ испорченъ тотъ клапанъ, черезъ который она воспринимается. Да и безъ нея послѣ сказаннаго, кажется, очевидно, что „не придавать никакого значенія хиротоніи“ — это значитъ выворачивать душу наизнанку, „разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ“. (Рус. Пал.).

Христіанская благотворительность*).

Къ стыду современнаго общества нужно признаться, что послѣдняя у насъ «храмлетъ» чуть ли не на обѣ «плеснѣ». Судя по безчисленнымъ обществамъ, посвятившимъ себя благотворительному дѣлу, и по печатнымъ ихъ отчетамъ, послѣднее находится въ хорошемъ состояніи. Къ сожалѣнію, житейскій опытъ удостовѣряетъ нѣсколько иное. Отъ нищеты никому некуда дѣться. Васъ постоянно и дома, и на улицѣ осаждаютъ бѣдные, Христовымъ именемъ выпрашивающіе подаеніе, не говоря уже о расплодившихся нашихъ домашнихъ бандитахъ, требующихъ отъ васъ подачки подѣ угрозой ножевой расправы. И эти озлобленные люди—все та-же бѣдность, являющаяся тяжелой для насъ укоризной. Если и впередъ мы останемся такими же, какъ и прежде, равнодушными къ своей нищей братіи, то можно опасаться очень худого конца нашей безопасности. Голодная и холодная, истерзанная нищетой и ледянымъ равнодушіемъ къ себѣ со стороны состоятельныхъ классовъ, эта братія обратится къ не совсемъ братскимъ средствамъ борьбы за свое существованіе. Теперь, впрочемъ, поздно предсказывать послѣ того, какъ у насъ разыгрались и еще впредь могутъ произойти такіа событія, о которыхъ намъ и не снится.

Не пора ли поставить нашу благотворительность на твердую почву и отрѣшиться отъ лицемѣрныхъ и всѣмъ прискучившихъ формъ ея въ видѣ различныхъ баловъ, концертовъ и базаровъ? Не время ли отказаться такъ же отъ всякихъ крестовъ, окрашенныхъ чуть не во всѣ цвѣта? Вѣдь наши церкви уже не имѣютъ и такого числа праздниковъ, чтобы удовлетворить днями сборовъ разнообразныя благотворительныя общества. Къ тому же, нѣкоторыя изъ послѣднихъ успѣли пріобрѣсти себѣ печальную извѣстность. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о правыхъ и

*) Христіанское Чт. Янв.

виноватыхъ въ различныхъ злоупотребленіяхъ по благотворительному дѣлу, мы должны насаждать его на естественной почвѣ, на которой оно только и можетъ, какъ слѣдуетъ, произростать,—въ христіанской церкви. Для этого не надо возноситься за облака или отпрапляться куда-либо за море: «но весьма близко къ тебѣ слово сіе». Во чтобы то ни стало, необходимо воскресить церковно-приходскую жизнь,—и тогда благотворительность непременно проявится въ видѣ естественнаго плода этой жизни. Вопросъ только въ ея организаціи, что-жъ касается самой основы для его рѣшенія, то она дана и дана, именно, въ христіанской церкви. Предварительно требуется совсѣмъ ослѣпнуть, чтобы игнорировать такое крупное событіе, какъ описанное въ книгѣ Дѣяній Ап. (гл., 6-я)—объ организаціи помощи бѣднымъ въ іерусалимской церкви. Не случайно происшедшее, оно сохранилось въ письмени для подражанія всѣмъ будущимъ церквамъ и въ назидательный примѣръ того, что можетъ сдѣлать для бѣдныхъ церковная община. Принадлежащіе къ послѣдней благотворители, въ признаніи величайшей важности начатаго подвига—служенія ближнему, надо полагать, найдутъ въ себѣ силы смотрѣть на дѣйствительность не сквозь розовые очки веселой благотворительности и сочтутъ профанаціей—услаждаться оркестровой музыкой въ то время, какъ убогіе углы и вертены оглашаются стопами и рыданіями несчастныхъ жертвъ бѣдности и всякихъ страданій. Что за веселье по поводу слезъ! Приходская благотворительность, далѣе, должна освободиться отъ дорогихъ издержекъ на вознагражденіе завѣдывающихъ ею лицъ, нерѣдко присасывающихъ къ ней на подобіе півокъ—къ нуждающемуся въ крови организму, и, вообще указать двери такимъ «дѣятелямъ» которые (беремъ наудачу два примѣра изъ многихъ) безсовѣстно расходуютъ благотворительныя суммы «на ложи въ театръ», «на починку гитаръ», «на цвѣты» и. т. п. предметы (см. корреспонд. изъ Вологды въ «Н. Врем.» 1905 г., № 10,407, о расходованіи суммъ мѣстнаго «Отдѣленія Красн. Креста»), или, еще безцеремоннѣе, вскрываютъ послѣ сборовъ кружки для пополненія своихъ кармановъ (тамъ же, о злоупотребленіяхъ въ комитетѣ кружечнаго сбора «Московского совѣта дѣтскихъ пріютовъ»). Церковно-приходская благотворительность не нуждается такъ же ни въ какихъ знатныхъ фирмахъ, подъ покровомъ которыхъ дѣйствуютъ свѣтскія благотворительныя общества. Вызванныя на Божій свѣтъ побужденіями, подчасъ чуждыми самаго существа дѣла, зато пріятно тѣшащими мелочное честолюбіе

своихъ учредителейъ, такого сорта общества сегодня во всеуслышанье торжествуютъ часъ своего рожденія, а на-завтра, смотришь, слезно вопіють уже о недостаткѣ средствъ къ существованію: увядають, не успѣвъ расцвѣсть!

Ростъ добра.

Ничто живое въ мірѣ не стоитъ на точкѣ замерзанія; все растетъ и движется, подымается, крѣпнетъ, достигаетъ расцвѣта силъ, мужества, затѣмъ на убыль идетъ,—но все же не стоитъ на мѣстѣ—старѣетъ, дряхлѣетъ, ветшаетъ, изнашивается... Родъ преходитъ, родъ приходитъ, а земля во вѣки стоитъ. Все въ мірѣ, какъ въ огромной машинѣ, мудро налажено Великимъ Механикомъ; каждый винтикъ, каждый гвоздь—все на своемъ мѣстѣ, служитъ свою службу, помогаетъ общему великому дѣлу...

Если это можно сказать о земномъ, которое временно, не постоянно, измѣнчиво; то что же говорить о небесномъ на землѣ? Какою печатью запечатлѣно дѣло Христово въ мірѣ, „по какой системѣ“ строится и идетъ ростъ добра и Божьей правды?

Христіанство дало-ли за почти 2000 лѣтъ какой-либо плодъ, оставило-ли соотвѣтствующій слѣдъ, провело-ли свою борозду? Посмотримъ.

Ростъ добра на землѣ, завѣщаннаго міру Источникомъ добра и правды—Господомъ Іисусомъ Христомъ, никогда не прекращается и не ослабѣваетъ въ людскихъ сердцахъ. Физіономія міра въ нравственномъ отношеніи въ общемъ существенно мѣняется къ лучшему, хотя и малопримѣтно для поверхностнаго взгляда. Если-бы послѣдовательно видоизмѣненія міроваго лица запечатлѣвать на бумагѣ фотографіей, то получились бы поразительные результаты... Правда,—зла въ мірѣ еще много; его еще цѣлыя горы. Преступленія и пороки наши заслоняютъ отъ насъ, какъ тучи,—солнце, свѣтъ и тепло правды и любви Божіей. Мы далеки еще отъ подражанія Христу. Мы все какъ будто сторонимся отъ Него; боимся стать твердою ногою на трону, проложенную и указанную Имъ для cadaго изъ насъ въ Его Евангеліи. Насъ страшатъ Его требованія и завѣты и мы чувствуемъ, что не въ силахъ взяться за рало христіанства и не озираться назадъ—на оставленную богатую трапезу языческаго пированія.

Но при всемъ томъ, хотя звѣрь и живетъ въ насъ,—и бушуетъ, и кипитъ, и клокочетъ въ насъ клубокъ дикихъ страстей,—все же мы люди,—которымъ по существу сродна христіанская точка зрѣнія и такая же настроенность, и потому мы разжимаемъ кулакъ ненависти и начинаемъ смотрѣть вокругъ себя мягче и привѣтливѣе. Иначе и быть не можетъ. Добро исподоволь совершаетъ свое великое дѣло и лучи христіанства не остаются бесполезными; они несутъ свѣтъ и тепло и этимъ оживляютъ и оздоравливаютъ человѣчество.—Говорятъ: наше время—это что-то ужасное: зло усиливается, грѣхъ растетъ, насталь часъ крайней разнузданности, всеобщаго разложенія. Скоро все утонетъ въ пучинѣ позора... Напрасно! Пессимистамъ нужно бы заглянуть въ прошлое, въ глубь сѣдой старины. Тамъ видно будетъ то, что и раньше во многихъ, если не во всѣхъ отношеніяхъ врядъ-ли было лучше и чище нравственно. Возьмите древніе дикіе нравы, возьмите отношеніе къ жизни и неприкосновенности ближняго, коснитесь больного вопроса о войнѣ, объ образованіи, о рабствѣ, которое даже въ христіанской Россіи исчезло въ только—что минувшемъ вѣкѣ... Станемъ-ли говорить о прежнемъ положеніи женщины въ семьѣ и обществѣ, о ея правахъ или равноправіи? Разбередите старыя гнойныя раны и вы услышите, какъ отъ нихъ разить... Скажете: „теперь то-же!“ О, далеко не то!—Въ отдѣльности, быть можетъ, попадутся вамъ индивидуумы поразительной нравственной уродливости; зато—присмотритесь, какъ всѣ и всюду съ горячечной поспѣшностью стремятся къ лучшему, какъ много сдѣлано и еще дѣлается хорошаго. Говорю я о лучшихъ людяхъ, о честныхъ служителяхъ слова и дѣла, которымъ близка, родственна болѣзнь человѣчества. Оставимъ въ сторонѣ всѣхъ малыхъ и большихъ тенденціозныхъ радѣтелей народнаго блага; это—зло всегда неизбежное, всегда же „въ семьѣ не безъ урода“,—всегда добру поперекъ дороги становится темная сила.

Жалуются, напр. теперь на крайне развитую въ настоящее время преступность. Судятъ по частнымъ, хотя и многимъ, правда, фактамъ. Чтожъ тутъ удивительнаго, что въ газетныхъ сообщеніяхъ зарегистрировано такъ много подобныхъ случаевъ?! Это еще не доказательство, что въ прежнее время преступленій было меньше. Теперь о нихъ газетки трубятъ, ловятъ ихъ, на перебой заносятъ на свои страницы. А прежде газетъ было много меньше и писать о разныхъ приключеніяхъ въ пьяныхъ притонахъ некому было. Прежде изъ 100 записывался одинъ случай, а

теперь—25—50. 50 другихъ всетаки остаются въ неизвѣстности. Будетъ время, когда станутъ заносить на бумагу и эти 50; однако, это еще вовсе не значитъ, что люди будутъ хуже, звѣроподобнѣе, лютѣе.

Такъ и во всемъ. Мы очень нервны, а потому такъ и чутки ко всякой кривдѣ. Но посудите,—это самое обстоятельство—не есть ли самый убѣдительный показатель того, что мы то—добрыѣ, отзывчивѣе на добро, благороднѣе, податливѣе?

Кто же дѣлаетъ насъ такими: время, или духъ христіанства? Христовъ духъ, и ничто иное, выращиваетъ непримѣтно свои плоды въ сердцахъ людей. А вы, люди, объ одномъ только заботьтесь: не угашайте Христова духа въ себѣ; освѣжайте себя его вѣяніемъ. Идите бодро, какъ воины, на окончательную битву, идите путемъ внутреннихъ переустройствъ своей жизни, ремонтируйте запущенную, разваливающуюся обстановку вашей ветхой жизни.

И въ древности были великіе люди, могучіе умы, гениальные мыслители; но все силы ихъ мощнаго, гигантскаго духа направлялись не по своей дорогѣ; люди „не держались за Христа“, не Ему служили. Но вотъ приходитъ на землю Господь, чтобы послужить міру, и не брезгаетъ взвалить на Свои плечи „шелудивую овцу“ въ лицѣ всего міра; Онъ перестраиваетъ жизнь, и съ того времени она начинается, какъ быстрая рѣка, течь инымъ русломъ.

Не будемъ голословны. Вотъ одинъ изъ 1000 примѣровъ тому, что дѣлаетъ на землѣ христіанство. Древніе мыслители съ презрѣніемъ и враждой смотрѣли на женщину. Сократъ говорилъ о ней: „это—источникъ зла“. Аристотель называлъ женщину „ошибкой природы“. Діогенъ считалъ ее недостойною „его бочки“. А вотъ Христосъ и Апостолы сказали иное о женщинѣ и въ результатѣ христіане приравниваютъ женщину къ хранителю-ангелу и отводятъ ей въ мірѣ и жизни достойное и подобающее положеніе и мѣсто. Что это, какъ не плодъ христіанства??

“Рости же, рости святое сѣмя христіанскаго смысла о жизни и правдѣ и заполняй собою всю землю. (Наставл. и утѣш. Св. христ. вѣры).

Въ глуши.

Зимняя морозная ночь. Въ безиредѣльной вышинѣ мерцаютъ ясныя звѣзды, а взшедшая луна ровнымъ блѣдно-серебристымъ свѣтомъ озаряетъ подгороднюю деревню Горемыкино.

На улицѣ тихо. Всѣ спятъ. Лишь въ одной, занесенной почти на половину снѣгомъ, избѣ виднѣется тусклый свѣтъ лучины, съ легкимъ потрескиваніемъ горящей въ свѣтцѣ.

За столомъ, на которомъ лежитъ, прикрытый грязною ска-тертью хлѣбъ и стоятъ неубранные блюда, сидитъ подперши голову обѣими руками, еще сравнительно молодая женщина и въ грустномъ раздумьѣ смотритъ на спящихъ на полу дѣтей.

Пятеро ихъ—всѣ малъ—мала меньше... Какъ быть, какъ поднять ихъ, думаетъ она: какъ вывести въ люди?.. Мужъ пьетъ безъ просыпу, шатается долгія ночи, Богъ знаетъ гдѣ. Городъ рядомъ... Почти каждый день онъ уходитъ туда, а въ полночь пьяный возвращается назадъ... Съ шумомъ и крикомъ врывается онъ подъ родимую кровлю, ругается площадною бранью, бьетъ жену, бьетъ ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, подвернув-шихся подъ руку...

Господи!.. Да что же это? Неужели такъ вѣчно продолжится, думаетъ она: неужели не увидятъ просвѣту бѣдныя дѣти?..

Несчастныя дѣти!.. Вонъ—они, прикрытыя рваными лохмотьями, спятъ въ беспорядкѣ на общей постели,—спятъ и не видятъ, что за нихъ постоянно болитъ и кровью исходитъ ея материн-ское сердце. Въ горькихъ думахъ о судьбѣ ихъ не спитъ она и въ долгія зимнія ночи.

А вѣдь было время, когда она не знала ни горя, ни нужды, ни заботъ,—когда она была счастливой женщиной въ деревнѣ, судьбѣ которой завидовали другія бабы. Было,... да прошло,—какъ свѣтлый сонъ, какъ мечта прокатилось оно...

Молодой ее отдали замужъ за хорошаго завиднаго для мно-гихъ жениха. Работащій Степанъ, такъ звали ея мужа, зани-мался между прочимъ сапожнымъ мастерствомъ, которое являлось большимъ подспорьемъ въ его крестьянскомъ хозяйствѣ.

Всѣмъ бы былъ онъ парень хорошій, да одинъ недостатокъ водился за нимъ: любилъ онъ иногда гульнуть съ пріятелями, а въ пьяномъ видѣ пошумѣть и поскандалить.

Но вѣдь кто теперь не пьетъ на Руси православной? Пьютъ старики, уже стоящіе одной ногой въ могилѣ, пьютъ люди возмужалые, семейные, пьютъ юноши, еще не видѣвшіе жизни, пьютъ мужчины и женщины и даже дѣти неразумныя,—пьютъ до одурѣнія, до положенія, какъ говорится, ризъ; такъ что даже сложилась поговорка: „нынѣ не спрашивай про человѣка, пьетъ онъ, или не пьетъ, а спрашивай—каковъ во хмѣлю“. Какъ ни цинична эта поговорка, но страшной, горькой правдой вѣетъ отъ нея!..

Вотъ за этого то Степана и отдали ее замужъ родители, — отдали лишь послѣ того, какъ онъ пообѣщался бросить пить...

Счастливо текла въ первые годы ихъ трудовая честная жизнь. Ни одно темное облачко не омрачало ея.

Степанъ крѣпко держалъ данное слово и усиленно работалъ, едва успѣвая справляться съ заказами обуви, а жена правила крестьянскимъ хозяйствомъ...

Благосостояніе ихъ съ каждымъ годомъ увеличивалось, — и такъ сравнительно хорошее хозяйство улучшалось...

Но въ жизни, должно быть, бываетъ не все радость да счастье, миръ и покой. Недаромъ сравниваютъ эту жизнь съ капризнымъ прихотливымъ моремъ. Тиха и незыблема порою при солнечномъ свѣтѣ зеркальная поверхность его. Такъ и манитъ cadaго въ объятья къ себѣ, такъ и тянетъ прокатиться по ней. Но вотъ — поднялся вѣтеръ, завылъ, зашумѣлъ и разомъ всколыхнулъ доселѣ спокойное море. Одна за другой понеслись бурныя страшныя волны, готовыя безжалостно поглотить все, что встрѣтится имъ на пути. Горе тому, кого застигнуть эти волны врасплохъ: не устоитъ подъ ихъ грознымъ напоромъ хоть какой твердый челнъ, — не устоитъ и безвозвратно погибнетъ въ пучинѣ морской.

Такъ бываетъ и въ мірѣ, гдѣ страсти бушуютъ, какъ бурныя волны средь безбрежнаго синяго моря, — бушуютъ и нерѣдко съ собой увлекаютъ и безвольнаго человѣка. Онъ плачетъ и стонетъ иной разъ подъ натискомъ ихъ, силится справиться съ ними, — да нѣтъ!.. все грознѣе и сильнѣе онѣ напираютъ на него и постепенно, но вѣрно и безвозвратно затягиваютъ въ свою страшную пучину.

Обѣщался Степанъ при женитьбѣ не пить водки, обѣщался и долго крѣпился, но не выдержалъ и разъ разрѣшилъ, а потомъ и другой, и третій. Слишкомъ много ужъ было соблазновъ вокругъ.

Въ городѣ, до котораго было, какъ говорится, „рукой подать“ — всего двѣ версты, Степану, какъ сапожнику, часто приходилось бывать за матеріаломъ для своей работы. А тамъ всегда найдутся друзья — пріатели, съ которыми нужно выпить. И онъ выпивалъ...

Возвращаясь домой пьянымъ, онъ однако сдерживалъ свой буйный характеръ, стыдился предъ женой за нарушенное обѣщаніе, — но потомъ сталъ все чаще и чаще отлучаться въ городъ и, возвращаясь оттуда пьянымъ, сталъ уже покрикивать на жену и на дѣтей.

А эти два года онъ пьетъ почти ежедневно, безжалостно пропивая послѣднее достояніе, нажитое упорной долголѣтней работой.

Чего только не натерпѣлась отъ него за это время бѣдная жена да дѣти—малолѣтки, знаетъ Богъ одинъ.

Придетъ, бывало, Степанъ ночью съ своего позорнаго гулянья, да крикнетъ пьянымъ голосомъ: „эй!.. Матрена!.. что-же не встрѣчаешь мужа“?.., встрепенется и задрожитъ, какъ осинный листъ, несчастная женщина. Покорная, но не ему, а Провидѣнію святому, наложившему на бѣдную страдальицу столь тяжкій крестъ, торопливо вскакиваетъ она съ постели, зажигаетъ лучину и спѣшитъ открыть двери для пьяницы—мужа. Она готова, какъ раба, исполнить всѣ его капризы, лишь бы онъ не билъ ее, не билъ и дѣтей, виноватыхъ предъ нимъ развѣтѣмъ, что онъ былъ ихъ отцемъ.

А тѣ, вскочивъ отъ отцовскаго крику, боязливо прижмутся въ уголокъ другъ къ другу и испуганными глазенками смотрятъ, какъ куражится ихъ пьяный отецъ надъ любимую бѣдную мамкой. Больно ноетъ въ груди ихъ дѣтское сердце; недоброе, нехорошее чувство къ пьяницѣ отцу зарождается въ немъ...

„Ужинать давай, паршивая“, кричитъ Степанъ охрипшимъ пьянымъ голосомъ и, замахнувшись на жену кулакомъ, грузно опускается на лавку.

„Разуй меня“, хрипитъ онъ, поднимая ногу; но лишь наклонится Матрена, чтобы снять сапогъ, какъ онъ тычетъ ногой въ ея блѣдное, исхудалое лицо.

Не такъ!.. Ванька, разуй ты, говоритъ онъ старшему восьмилѣтнему сыну.

Тотъ, дрожа отъ страху, подходитъ и стаскиваетъ сапоги съ отцовскихъ ногъ.

„Ты что глаза-то таращишь на меня, какъ на звѣря“, продолжаетъ Степанъ.

„Ишь, какимъ волченкомъ смотреть“, шипитъ онъ и подноситъ Ванькѣ сильную пощечину.

„За что ты бьешь его“, вступается Матрена: „креста нѣтъ, видно, у тебя на вороту, безстыжіе глаза!..“

„Молчи!.. Убью“, кричитъ на нее Степанъ: „живую въ гробъ уложу“!..

Какъ безумный съ пѣной у рта, онъ вскакиваетъ съ лавки, хватаятъ жену за косу и, поваливъ ее на полъ, бьетъ и руками, и ногами, — бьетъ, не разсуждая, по чему попадетъ.

А тятка!.. Миленькій!.. Брось!.. съ плачемъ бросаются къ нему дѣти и, хватаясь рученками за его одежду, селятся оттащить отъ матери.

Но „миленькій“ разошелся.

„Прочь, щенята!.. Разражу“, хрипитъ онъ съ пѣной на трясущихся отъ злости губахъ,—и бьетъ и жену, и дѣтей, повернувшихся подъ руку...

И такъ изо дня въ день. Тяжелая, безпросвѣтная жизнь!..

Даже во снѣ нѣтъ отъ ней покоя страдалицѣ. Ляжетъ она спать рядомъ съ дѣтьми,—но еще страшнѣе и суровѣе горькой дѣйствительности проносятся предъ нею мрачные сны, отъ которыхъ она въ ужасѣ просыпается, и дрожить—вся облитая потомъ холоднымъ...

Господи! Да когда же это кончится? Чѣмъ дѣти-то согрѣшили предъ Тобой?.. думаетъ Матрена.

Вотъ и сегодня Степанъ еще утромъ ушелъ въ городъ и все-то не вернулся. Вернется конечно пьянымъ, такъ какъ онъ успѣлъ прихватить съ собой, незамѣтно отъ жены, ея же приданный шелковый платокъ. Правда, въ „казенкѣ“ *) его не возьмутъ подъ закладъ, но въ городѣ всегда найдутся „благодѣтели“, которые скупаютъ его у мужика за безцѣнокъ...

Гдѣ то онъ—бродяга шатается, думаетъ Матрена; и въ то же время что-то похожее на жалость къ пьяницѣ—мужу зарождается въ ея терпѣливой душѣ.

„Спаси его, Господи“, шепчетъ она: „долго ли замерзнуть въ такую морозную ночь“?..

Такъ великодушна русская женщина,—та простая деревенская женщина, которую мы съ тобой, читатель, сплошь и рядомъ называемъ „дурой-бабой“.

Василій Образцовъ

Общенародное пѣніе въ предѣлахъ нашей епархіи.

Извѣстно, что въ предѣлахъ Новгорода общенародное пѣніе всякій разъ бываетъ на бесѣдахъ преподавателя семинаріи іеромонаха Алексія. Бесѣды его собираютъ массу народа. Причина этого отчасти не лежитъ ли въ томъ, что онъ на всякой своей бесѣдѣ предложитъ присутствующимъ процѣть что-н. изъ церковныхъ пѣснопѣній сообща.

*) Такъ называютъ крестьяне казенныя винныя лавки.

Отраднo, что примѣръ о. Алексія не единичный примѣръ примѣненія общаго пѣнія. Мнѣ удалось быть за богослуженіемъ въ одной, уже деревенской церкви. Началась литургія вѣрныхъ. „Вѣрую“ запѣла вся церковь. Весь присутствовавшій въ храмѣ народъ пѣлъ „Милость мира“ и далѣе, кончая молитвою „Отче нашъ“.

Впечатлѣніе получалось трoгающее.

По окончаніи богослуженія я спросилъ одного изъ богомольцевъ, какъ достигнуто слышанное много общенародное пѣніе.

Какъ? У насъ между утреней и обѣдней всякое воскресенье бывають спѣвки. Поемъ мы молитвы и на бесѣдахъ по деревнямъ.

На какихъ бесѣдахъ?

А вотъ слышали батюшка сегодня за обѣдней объявлялъ, что сегодня будетъ бесѣда въ деревнѣ К. Такъ это у насъ бываетъ каждое воскресенье, каждый праздникъ. Одинъ разъ бесѣда въ одной деревнѣ, другой разъ въ другой.

Что же вы дѣлаете на бесѣдахъ?

Какъ что? Батюшка сначала намъ что-н. прочитаетъ. Потомъ мы всѣ сообща поемъ молитвы. Выйдетъ худо, повторимъ.

Ну, а нравятся вамъ эти бесѣды и это пѣніе?

Нравятся... И особенно это пѣніе. Прежде бывало въ церкви и за дровами и за сѣномъ съѣдешь умомъ. Теперь не то. Теперь Богъ привелъ насъ своимъ грѣшнымъ языкомъ славить Его. Ну, и молишься. Некогда думать о пустякахъ, а тѣмъ болѣе разговоры вести въ церкви. Опять и на бесѣдахъ. Сойдемся не пустословить и не браниться, а доброе послушать. А потомъ это сообща и запоемъ. Батюшка, добрый ты человекъ, разъяснялъ намъ, что мы, христіане, приходимся другъ другу вишь какъ члены одного тѣла. Согласно да любовь должны быть межъ нами. Такъ вотъ, когда мы запоемъ на бесѣдѣ всей деревней, въ церкви всѣмъ приходомъ, то въ голову и западаетъ прежде не появлявшаяся въ ней мысль: всѣ мы дѣти Божіи, всѣ мы Христовы; и я и ты и всѣ — братья по вѣрѣ другъ другу.

Крестянинъ опустилъ голову и видимо волновался.

Да, добрый человекъ, продолжалъ онъ чрезъ нѣкоторое время. Мы, христіане, но Христову заповѣдь о любви другъ къ другу забыли. До дѣла Христовой любви у насъ въ приходѣ и теперь, конечно, далеко. Но хорошо пока и то, что мы выходимъ изъ церкви или съ бесѣды, — послѣ того какъ батюшка

завелъ общее пѣніе, — съ радостью смотря на всѣхъ, какъ на близкихъ людей, всѣмъ желая добра и хсть на четверть часа умомъ своимъ остановившись на мысли, что всѣ мы родные другъ другу. И я пою, и сосѣдъ поетъ, и всѣ мы поемъ одному Богу, одному Христу. И я пою „Отче нашъ“, и сосѣдъ мой то же поетъ. Такъ и выходитъ, что Богъ всѣмъ намъ Отецъ, а мы братья другъ другу. Выходишь изъ церкви или съ бесѣды и идешь до дома, держа въ головѣ такую мысль: кошли, Бже, всѣмъ и всего добраго.

Пока мы говорили съ крестьяниномъ, вышелъ изъ церкви и батюшка, до котораго у меня было дѣло.

Я назвалъ себя священнику и получилъ приглашеніе на чашку чаю. Опять зашелъ разговоръ объ общемъ пѣніи, которое такъ меня заинтересовало.

Давно ли оно, батюшка, у васъ?

Недавно. Я знаю васъ по слухамъ за человѣка, который не посмѣется надъ нашимъ братомъ священникомъ. И потому могу говорить съ вами откровенно. Знаете, въ послѣднее время и деревня проснулась. И въ ней идутъ разговоры. Говорятъ иногда хорошее, а иногда и не особенно хорошее. Въ это время священнику стоять въ сторонѣ отъ того, что совершается кругомъ, въ приходѣ, было бы грѣшно. И вотъ я воспользовался настоящимъ временемъ, чтобы, съ одной стороны, исправить вину своего прежняго недостаточно внимательнаго отношенія къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, съ другой, чтобы предостеречь крестьянъ отъ возможныхъ увлеченій въ дурную сторону. Попеременно по всѣмъ деревнямъ въ каждый праздникъ я сталъ устраивать бесѣды. На нихъ мы почитаемъ, попоемъ. Потомъ у насъ начинается откровенная бесѣда на злободневные вопросы... И плоды бесѣдъ замѣчаются. Мои прихожане хотѣли вырубить дачу сосѣдняго владѣльца. Благодаря Бога, мнѣ удалось остановить ихъ. Но глазная отрада не въ этомъ, а въ наблюденіи того подъема религіознаго одушевленія, свидѣтелемъ котораго я являюсь. Народъ нашъ любитъ пѣть, и пѣніе общее затрогиваетъ самыя лучшія струны человѣческой души...

И знаете! Тутъ одинъ праздникъ я чувствовалъ нездоровье. По слабости человѣческой вечеромъ хотѣлъ было и на боковую. Но вотъ приходитъ посланецъ отъ крестьянъ сосѣдней деревни и говоритъ, что тамъ уже собрались на бесѣду. Преодолевая свое недомоганье, я пошелъ. И думаете ли вы, что я былъ недоволенъ. О, нѣтъ! Если бы чаще беспокоили такъ насъ, пастырей.

Мірянинъ.

Положеніе духовенства въ настоящее время.

I.

... января я былъ въ домѣ одного прихожанина, пишетъ въ редакцію священникъ. Послѣдній сообщилъ мнѣ, что онъ хочетъ собрать крестьянъ для обсужденія составленнаго однимъ ученымъ человѣкомъ проекта крестьянскаго приговора, въ которомъ предъ— являлись между прочимъ требованія учредительнаго собранія, насильственнаго захвата казенныхъ и частновладѣльческихъ земель въ пользу крестьянъ и прочее. Не знаю, правъ ли я былъ или не правъ, но уже потомъ, будучи свидѣтелемъ, какъ составитель проекта приговора вычитывалъ этотъ послѣдній предъ моими прихожанами съ такими поясненіями, что де крестьянамъ не слѣдуетъ удовлетворяться Думой, которою потчуетъ ихъ правительство, что насильственный захватъ чужой собственности ихъ право, я не смолчалъ. Я напомнилъ крестьянамъ о долгѣ присяги, затѣмъ указалъ имъ на заповѣдь „не укради“, которая ограждаетъ частную собственность отъ насильственнаго захвата. Въ результатъ приговоръ былъ подписанъ лишь единицами изъ моего прихода. Но вотъ бѣда. Составитель проекта приговора былъ арестованъ, и я попалъ въ свидѣтели по этому дѣлу. Быть можетъ, считая меня виновникомъ этого ареста, теперь кто-то разбилъ мнѣ стекла.

И вотъ я сижу и думаю: Боже, за что же это? Развѣ не было моимъ долгомъ предостеречь своихъ пасомыхъ отъ неразумнаго увлеченія? Развѣ я не обязанъ былъ по долгу пастырской совѣсти напомнить имъ заповѣдь „не укради“. И вотъ въ заключеніе летятъ у меня стекла. И хорошо, что въ это время не подвернулись подъ ударъ мои дѣти! За что это?

Священникъ пишетъ далѣе, что онъ рѣшилъ оставить мѣсто своей службы и проситъ начальство о переводѣ его на другое мѣсто.

II.

Ни для кого конечно не секретъ, что освободительное движеніе, охватившее положительно всѣ слои общества, проникло и въ самыя отдаленныя, глухія деревеньки нашей необъятной матушки — Руси, не миновало и нашей губерніи. Очень многіе, прикрываясь этимъ движеніемъ, преслѣдуютъ свои личные интересы, открыто высказываютъ свои нужды съ требованіемъ немедленнаго удовлетворенія, обнаруживаютъ недовольство своимъ

начальствомъ и пр. Таковы были многія забастовки рабочихъ, учащихся, различныхъ служащихъ. Среди крестьянъ это движеніе выразилось главнымъ образомъ въ аграрныхъ беспорядкахъ. Въ западныхъ, нѣкоторыхъ южныхъ, приволжскихъ губерніяхъ эти беспорядки достигли громадныхъ размѣровъ. Не совсѣмъ благополучно обстояло и обстоитъ и въ нашей губерніи. Во многихъ мѣстахъ Крестецкаго, Череповецкаго, Тихвинскаго, Устюжнаскаго и другихъ уѣздахъ были порубки помѣщичьихъ и казенныхъ дачъ, мѣстами обнаруживалось недовольство помѣщиками, доходившее иногда даже до разгрома ихъ усадебъ. Мѣстами агитаторы крайнихъ партій старались вооружить народъ противъ церкви и духовенства. Такъ напр. волостной писарь Долговскаго волостного Правленія Боровичскаго уѣзда г. П. разъѣзжалъ по приходамъ Долговскому, Краснянскому, Городищскому и нѣкоторымъ другимъ и призывалъ крестьянъ не платить духовенству за требы, собирая подписки и составляя приговоры о прекращеніи платы. Агитаторская дѣятельность г. П. въ виду его ареста скоро должна была прекратиться; результатомъ ея были незначительныя кой-гдѣ волненія. Нѣчто подобное было и въ Никандровскомъ приходѣ Боровичскаго уѣзда.

Въ виду такого духа времени на собраніи 2-го благочинническаго округа, Боровичскаго уѣзда, бывшаго въ г. Боровичахъ 20 декабря 1905 года, между прочимъ былъ возбужденъ вопросъ—какъ быть іерею, если крестьяне, хотя бы напр. на предстоящихъ рождественскихъ праздникахъ, откажутся платить духовенству за молебны? Ходить бесплатно или же оставить такую деревню совсѣмъ „безъ хожденія?“ Какъ тутъ быть въ самомъ дѣлѣ іерею? Собраніе единогласно постановило ходить по приходу, не обращая вниманія на то, будутъ ли платить и сколько, или нѣтъ, дабы не подрывать окончательно и такъ уже пошатнувшійся авторитетъ духовенства, что они-де служатъ ради одного дохода, а такъ и шагу ступить не хотятъ.

Не дальше какъ въ только что истекшіе рождественскіе праздники произошелъ подобный случай въ N приходѣ Боровичскаго уѣзда. Деревня М. этого прихода отказалась платить духовенству, по обычаю прежнихъ лѣтъ, овсомъ за рождественскіе молебны, предлагая вмѣсто овса по 10 к. за молебенъ,—а многіе такъ и совсѣмъ отказались платить. Тогда одинъ изъ священниковъ (тамъ 2 священ., оба уже преклонныхъ лѣтъ) не пошелъ совсѣмъ въ эту деревню, хотя ему бы слѣдовало, такъ

какъ въ его половинѣ находилась деревня. Между тѣмъ другой, не обращая вниманія на то, кто—сколько и чѣмъ платилъ за молебны, безропотно обошелъ деревню. Не знаю, сколько онъ „выходилъ“, но конечно нѣкоторые-то платили, хотя и не такъ, какъ прежде.

Въ настоящее неспокойное время такихъ случаевъ можетъ быть и не одинъ, и какъ въ самомъ дѣлѣ тогда поступать іерею? Въ данномъ случаѣ большинство стояли за священника, который пошелъ въ „злополучную“ деревню, не обращая вниманія на плату, но были и такіе, которые стояли за отказавшагося идти, а этого осуждали, указывая на то, что, вѣдь если будемъ даромъ служить, то глядя на эту деревню, можетъ отказаться и другая, и третья, и пожалуй случится, что и весь приходъ перестанетъ платить. Съ одной стороны, конечно, правда и то, что нельзя совершенно игнорировать и матеріальную сторону, а съ другой стороны нельзя не воздать должной похвалы и второму іерею—онъ поступилъ въ высшей степени благородно, что особенно важно въ настоящее бурное время, когда много есть лицъ, старающихся унижить духовенство, подорвать его авторитетъ, старающихся находить въ немъ одни только недостатки.

Сейчасъ подобный случай въ нашей губерніи еще исключеніе, но какъ въ самомъ дѣлѣ быть іерею, если такія исключенія сдѣлаются „зауряднымъ“ явленіемъ?

Вопросъ остается открытымъ.

С. А. А.

Духовенство должно стоять внѣ образовавшихся политическихъ партій (слова Высокопреосвящ. Гурія).

Въ декабрѣ мѣсяцѣ минувшаго года, съ 27 числа по 30, мнѣ пришлось быть на всероссійскомъ съѣздѣ партіи правого порядка. Съѣхались делегаты со всѣхъ концовъ Россіи. Тутъ были и профессора, и преподаватели, и предводители дворянства, и городскіе головы, адвокаты, священники, генералы, инженеры, артисты, художники, князья, крестьяне, мѣщане, рабочіе, словомъ, представители всѣхъ классовъ населенія. Предсѣдательствовалъ нашъ старорусецъ Графъ Бенигсенъ. Засѣданія велись съ 11 час. дня до 6 час. веч. и съ 8 час. веч. до 2 час. ночи. Съѣздъ былъ и многолюдный и страшно интересный: рѣчи шли за рѣчами, доклады за докладами, краснорѣчіе текло рѣкою.

Было чего послушать! И все же, послѣ cadaго засѣданія оставалось въ душѣ одно чувство: „уѣзжай, — тебѣ здѣсь нечего дѣлать“. И не дождавшись конца, я уѣхалъ, рѣшивши никогда больше ни къ какой политической партіи не присоединяться. Объяснить своего настроенія я и сейчасъ не могу, чувствую только всѣмъ своимъ существомъ, что заниматься политикой не наше дѣло. Послѣ того, что я видѣлъ и слышалъ, я не скажу, чтобы это было глупо и гадко, какъ пишетъ своему сыну Л. Н. Толстой (Новое Время), нѣтъ, я скажу только одно, что политика не наша область. „Я былъ всѣмъ все, пишетъ апостоль, чтобы спасти по возможности всѣхъ“: такой же характеръ полнѣйшаго безпристрастія и безкорыстія должно носить и наше пастырское служеніе. Клерикальнаго вопроса въ болѣе или менѣе острой формѣ на святой Руси до сего времени не существовало; дай Господи, чтобы и никогда его не было. Что такое священство? Это молитва за всѣхъ, скорбь о всѣхъ, любовь ко всѣмъ. По этому, и дѣятельность наша должна быть объединяющею, умиротворяющею, широкою какъ евангеліе, чуждою духа партійности. Въ противномъ случаѣ можетъ получиться абсурдъ: служитель Вѣчной Правды можетъ стать привратникомъ к. н. людскаго мнѣнія.

Кромѣ того, всякое дѣло боится мастера. Мы мастера въ своемъ родѣ и хороши на своемъ мѣстѣ. Къ чему же намъ вторгаться въ область политической экономіи, государственнаго права и т. п., гдѣ мы совсѣмъ не спеціалисты. Какъ служители Слова Божія, мы имѣемъ совершенно опредѣленныя цѣли, располагаемъ опредѣленными средствами, получили непреложныя обѣтованія отъ своего пастыреначальника, — и довольно съ насъ.

На съѣздѣ случилось такъ: одинъ ораторъ скажетъ хорошо, умно, горячо, краснорѣчиво, повидимому, совершенно правильно; другой выйдетъ, скажетъ еще лучше, но совсѣмъ по другому; третій опровергнетъ этихъ обоихъ и тоже — и умно, и горячо, и краснорѣчиво. Это въ одной партіи: что же сказать о людяхъ разныхъ лагерей? Да, ораторовъ нынѣ и безъ насъ слишкомъ много. Если и мы превратимся въ ораторовъ, то кто же останется работать на нивѣ Христовой! —

Священникъ *Алексій Борисовъ*.

Желательное въ жизни нашихъ монастырей.

(Вторая замѣтка).

Нѣкоторые могутъ сказать: да вѣдь теперь въ каждомъ почти монастырѣ ведется хотя въ малыхъ размѣрахъ сельское хозяйство! Есть даже довольно благоустроенные монастыри, гдѣ дѣло это поставлено образцово, напримѣръ: Соловки, Валаамъ и друг. Да кстати и вашъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь: вѣдь и у васъ дѣло поставлено довольно порядочно!

Согласенъ съ этимъ. Но то то и плохо, что во многихъ монастыряхъ есть чему поучиться, да ничему тамъ не обучаютъ.

Мнѣ рассказывали, какъ это дѣло поставлено въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ проживаетъ ежегодно около 300 человекъ годовиковъ. Поставили насъ, говорилъ побывавшій тамъ человекъ 20 новичковъ на кожевенный заводъ: кого сырыя кожи въ чаны вкладывать, кого вытаскивать, кого дубить и чернить. И весь годъ мы пробыли на одной и той же работѣ и поняли, т. е. научились мы только тому, что работали, а общаго хода дѣла по заводу намъ не показали. Такъ мы ничего основательно и не изучили.

Почти также обстоитъ дѣло съ садоводствомъ и огородничествомъ. Если найдутся между годовиками любознательные и предприимчивые, то такихъ обучаютъ всему. Но этихъ людей стараются удержать въ монастырѣ, на что они большею частію и соглашаются.

Нѣкоторые изъ трудниковъ на Соловкахъ, съ удовольствіемъ повѣствовалъ посѣтившій эту обитель, случайно поставлены были въ столярную мастерскую, гдѣ имъ приходилось работать вещи цѣликомъ, и они научились кое-чему; теперь они работаютъ въ деревнѣ простые несложные столярные предметы и живутъ хорошо.

Въ нашемъ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ въ теченіе лѣта работаетъ около 50—60 человекъ, и никто ничему не научится, потому что ничего рабочимъ не разъясняютъ, ничего не покажутъ на практикѣ. То же самое и въ другихъ монастыряхъ. И выходитъ, что монастыри, имѣя у себя всѣ данныя, т. е. ведя сельское хозяйство и имѣя разныя мастерскія, не распространяютъ среди мѣстнаго населенія никакихъ практическихъ знаній и потому не оказываютъ русскому народу всей той пользы, которую они могли бы принести.

Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря іеромонахъ *Антоній*.

Воспоминанія педагога.

Это было уже давно. Я на службѣ состоялъ тридцать пять лѣтъ. Да теперь уже въ отставку живу двѣнадцатый годъ. Такъ вотъ и сообразите, къ какому времени относится начало моихъ воспоминаній.

Только что кончивши высшую духовную школу, я поступилъ на службу по инспекціи въ одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній. И что грѣха таить, педагогическая служба представлялась мнѣ не дѣломъ, въ которомъ я долженъ буду напрягать всѣ свои силы, а, — стыдно даже вспомнить, — пріятнымъ начальствованіемъ.

Къ счастью я попалъ подъ руководство начальника, который очень скоро перемѣнилъ мой взглядъ на службу.

Извѣстно, что юность любитъ поспать. И вотъ утромъ, на молитвѣ, постоянно оказывался у меня значительный недочетъ въ питомцахъ, которые въ это время или еще спали, или умывались. — По обязанностямъ службы я утромъ предъ молитвою сбходилъ спальни и будилъ заспавшихся, но сдѣлать этотъ обходъ два раза мнѣ представлялось излишнимъ. Воспитанники, говорилъ я себѣ, должны сами вставать по звонку. Ну а тѣхъ, кто заспался, побудилъ одинъ разъ и довольно.

Но разсужденія разсужденіями, а жизнь жизнью. Воспитанники продолжали неаккуратно являться на молитву, и въ концѣ концовъ ректору представляется штрафной журналъ, по которому десятокъ — полтора воспитанниковъ оказываются наказанными за неаккуратное посѣщеніе молитвы.

У. о. ректора съ инспекторомъ, какъ послѣ узналъ я, произошелъ по этому поводу такой разговоръ.

Что это у васъ оказалось такъ много воспитанниковъ, неаккуратно посѣщающихъ утреннюю молитву?

Да вотъ не ходятъ...

А вы то сами посѣщаете молитву?

Какъ же? Иногда... смутился инспекторъ, на самомъ дѣлѣ тоже любившій поспать.

Ну вотъ, сказалъ о. ректоръ, смотрите — я въ самый короткій срокъ сдѣлаю такъ, что у васъ не будетъ неисправныхъ.

И ректоръ изо дня въ день выходилъ двѣ недѣли въ спальни воспитанниковъ. Послѣдніе вслѣдствіе этой настойчивости поставлены были въ невозможность нарушать требованія школьной

дисциплины, такъ что въ концѣ концовъ не нужно было и будить ихъ. Они уже сами являлись своевременно и всѣ на молитву, умытые и причесанные.

О. ректоръ направился въ квартиру инспектора, куда пригласили и меня.

Ну, какъ аккуратно ли теперь ходятъ ваши питомцы на молитву?—съ улыбкою сказалъ о. ректоръ, обращаясь ко мнѣ. Молодость и есть молодость. И важно сдѣлать такъ, чтобы она, видя добрый примѣръ въ воспитателѣ, безъ карательныхъ мѣръ, единственно терпѣливымъ исполненіемъ своего долга воспитателемъ, приобрѣтала добрые навыки.

Службу по инспекціи я перемѣнилъ на службу наставника семинаріи.

Случилась опять бѣда. Когда начиналось повтореніе пройденныхъ курсовъ, знанія учениковъ не всегда удовлетворяли меня. Они могли передавать мысли учебника. Конечно, воспроизводили и большую часть того, на что обращалось мною вниманіе питомцевъ при прохожденіи имъ соотвѣтствующаго курса. Но вѣдь при повтореніи ученикъ долженъ знать по возможности все, давать бойкіе и осмысленные отвѣты на всѣ вопросы. Но это послѣднее не всегда достигалось всею массою воспитанниковъ. Иной бѣдняга и знаетъ свой урокъ, а между тѣмъ не обратитъ вниманія на то, что по моему мнѣнію имѣетъ существенное значеніе. Я иной разъ поразсержусь, ученики недовольны. И въ самомъ дѣлѣ кому пріятно, по его мнѣнію основательно выучивши урокъ по учебнику, оказаться оцѣненнымъ какого нибудь тройкою съ минусомъ. И долго такъ мучился я при повтореніи курсовъ.

Но вотъ одинъ годъ, вслѣдствіе сокращенія учебнаго года, я долженъ былъ спѣшно повторять свой курсъ. Уроки задавались ученикамъ при повтореніи обширные. И чтобы облегчить имъ дѣло повторенія, я нашелъ нужнымъ въ классѣ повторять съ ними каждый слѣдующій урокъ. И что же? Это былъ первый годъ, когда я доволенъ былъ знаніями учениковъ при повтореніи. Я отмѣчалъ имъ существенное въ каждомъ слѣдующемъ урокѣ, что они и усвоили въ классѣ. Дома они прочитывали учебникъ. И въ результатѣ получались такіа познанія учениковъ, при которыхъ безъ всякихъ огорченій для меня и для нихъ мы бодро дѣлали свое дѣло.

И тутъ мнѣ припоминалось начало моей службы, когда я такъ огорчился неисправностію учениковъ въ посѣщеніи ими утренней молитвы. Въ моихъ огорченіяхъ при повтореніи кур-

совъ воспроизводилась исторія съ утренней молитвой. Сталь я дѣлать свое дѣло, ученики стали дѣлать свое. И повтореніе пошло гладко, безъ непріятностей. Такъ преподаватель не долженъ почивать на лаврахъ и при повтореніи пройденнаго курса.

Старорусское духовенство во время бунта поселянъ въ 1831 году.

I.

29 Іюля 1831 года извѣстнаго архимандрита Юрьева монастыря Фотія посѣтилъ исправляющій должность корпуснаго начальника въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ ген.-лейт. Ейлеръ. Въ разговорѣ съ Фотіемъ онъ между прочимъ упомянулъ, что во время мятежа военныхъ поселянъ въ Старой Руссѣ, когда мятежники на площади пытали штабъ и оберъ-офицеровъ и другихъ лицъ, архимандритъ Старорусскаго монастыря Серафимъ подписывалъ допросы убиваемыхъ, о чемъ Ейлеромъ донесено Его Величеству.

Фотій счелъ своимъ долгомъ немедленно донести объ этомъ разговорѣ съ Ейлеромъ митрополиту Серафиму. Распоряженіе митрополита по доносу Фотія послѣдовало скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. 2 августа полученъ былъ доносъ Фотія, и тогда же митрополитъ Серафимъ пишетъ такую резолюцію на немъ: „Преосвященный *) имѣетъ въ скорѣйшемъ времени удалить Старорусскаго монастыря архимандрита Серафима отъ управленія монастыремъ симъ и, вызвавъ его въ Новгородъ, опредѣлить впредь до разсмотрѣнія нашего для пребыванія въ Хутынъ монастырь... а секретарю консисторіи велѣтъ донести о семъ госп. синодальному оберъ-прокурору.“

Постигшая архимандрита Серафима, безъ суда и слѣдствія, опала заставила встрепенуться все Старорусское духовенство. Послѣднему прекрасно было извѣстно, что архимандритъ оказался виноватымъ по такой винѣ, законность вмѣненія которой представлялась всякому большимъ вопросомъ.

Со словъ архимандрита Серафима знали, что онъ еще наканунѣ перваго Старорусскаго бунта 1831 года, 11 Іюля, принималъ возможныя въ положеніи его мѣры, чтобы усмирить бунтовщиковъ. Когда толпы народа бѣжали мимо монастыря,

*) Тогда Тимоеей.

онъ подзывалъ бѣгущихъ къ окну своей кельи и спрашивалъ о причинахъ ихъ волненія.

Темный народъ, умиравшій отъ холеры, передавалъ обычную легенду: господа и особенно лекари отравили воду въ колодцахъ и рѣкѣ.

Богъ съ вами! Да развѣ это возможно? Укажите любой колодецъ, любое мѣсто въ рѣкѣ, гдѣ вы предполагаете отраву: я готовъ предъ вами же, сейчасъ же выпить отравленной по вашему мнѣнію воды.

Но народъ не послушалъ этихъ рѣчей архимандрита Серафима. Всю ночь съ 11 на 12 іюля въ Старой Руссѣ не прекращалось народное волненіе. Полицеймейстеръ и нѣкоторыя другіе чиновники были убиты, иные подверглись истязаніямъ. Параллельно съ нападеніями на чиновниковъ шелъ грабежъ въ городѣ.

Утромъ, 12 іюля, горожане явились къ архимандриту Серафиму и спрашивали у него совѣта—что дѣлать имъ?— Архимандритъ двухъ изъ горожанъ послалъ въ лагерь къ генераль-майору Леонтьеву; кромѣ того служителя монастырскаго, верхомъ на лошади, отправилъ къ начальникамъ надъ военными поселеніями.

Горожане явились вновь. Оказалось, что бунтовщики истязали лекаря Богородскаго, вынуждая его признаться въ отравленіи людей. Истязанія были такъ мучительны, что Богородскій готовъ было взвести на себя не существовавшее преступленіе. Эти показанія Богородскаго бунтовщики требовали сверѣпить рукоприкладствомъ архимандрита Серафима.

Архимандритъ велѣлъ поднять иконы и хоругви и вмѣстѣ съ монашествующею братіею и нѣкоторыми бѣлыми священниками явился на площадь. Едва архимандритъ отслужилъ молебенъ, какъ толпа потребовала, чтобы онъ подписалъ вымученныя ею у лекаря Богородскаго и другихъ чиновниковъ ихъ показанія противъ себя. У сего злодѣя,—говорили бунтовщики, указывая на Богородскаго,—найдены и взяты нами ядовитыя вещества и признавался онъ намъ въ намѣреніи морить людей. Да что тутъ говорить? Вотъ онъ сейчасъ махнулъ платкомъ—заразилъ человѣка. При этомъ бунтовщики за руки поддерживали солдата, яко бы сейчасъ зараженнаго холерой.

Тутъ же подведенъ былъ къ архимандриту двумя бунтовщиками приставъ Диринъ. Доведенный побоями почти до безчув-

ствія, Диринъ далъ бунтовщикамъ подписку въ томъ, что онъ знаетъ нѣкоторыхъ чиновниковъ, которые имѣли намѣреніе отравлять народъ.

Архимандритъ Богомъ умолялъ народъ прекратить истязанія чиновниковъ; указывалъ, что самоуправство народа является преступленіемъ предъ Богомъ и Государемъ. Но пьяная толпа кричала: мы убьемъ и лекаря и другихъ чиновниковъ, разоримъ городъ, если ты (т. е. архимандритъ) не подпишешь показанія ихъ.

Архимандритъ тогда потребовалъ отъ бунтовщиковъ, чтобы они дали клятву и крестное цѣлованіе въ томъ, что они бунтъ прекратятъ и никому не сдѣлаютъ вреда. Послѣ этого онъ подписалъ показаніе лекаря Богородскаго. Удовлетворенный этимъ народъ сталъ расходиться.

Извѣстно было старорусчанамъ и то, что именно въ Старорусскомъ монастырѣ во время бунта нашелъ убѣжище инженеръ капитанъ Кроль, котораго также разыскивали бунтовщики.

Итакъ, архимандритъ Серафимъ, быть можетъ, былъ неправъ съ высшей точки зрѣнія. Быть можетъ, онъ долженъ былъ твердо стоять на своемъ отказѣ подписать вымученныя показанія Богородскаго, ради правды пожертвовавъ и своею жизнію и жизнію чиновниковъ, которыхъ уже несомнѣнно убили бы въ томъ случаѣ, если бы онъ не исполнилъ требованія озвѣрѣвшей толпы. Но судъ гражданскій не только нашелъ архимандрита правымъ, а и счелъ впослѣдствіи своимъ долгомъ ходатайствовать о награжденіи его предъ духовнымъ начальствомъ.

Такъ обстояло дѣло, между тѣмъ архимандритъ Серафимъ по указу своего начальства долженъ былъ спѣшно сдать монастырь и ѣхать въ Новгородъ, чтобы быть сосланнымъ въ Хутынь монастырь.

II

Эта бѣда, обрушившаяся на архим. Серафима, какъ сказано выше, заставила встрепетаться все Старорусское духовенство. Всѣ поняли, что въ событіяхъ, подобныхъ бывшимъ въ Старой Руссѣ 12 и 21 іюля бунтамъ, можно безъ вины пострадать. И вотъ болѣе малодушные напередъ стараются очистить себя отъ всякихъ подозрѣній въ своей, какой бы ни было, прикосновенности къ этимъ событіямъ, а кстати засвидѣтельствовать предъ епархіальнымъ начальствомъ о своей полной благонадежности.

Выступаетъ протоіерей Старорусскаго собора Ѳеодоръ Старорусскій. 15 августа 1831 года онъ пишетъ въ консисторію такую бумагу: „Извѣстно мнѣ, 1-е, что собора нашего священники Иванъ Свѣтловъ и Александръ Никольскій, да Троицкій священникъ Григорій Деворскій при бывшихъ въ гор. Старой Руссѣ двухъ бунтахъ прошлаго іюля 12 и 21 числа, по приглашенію бунтовщиковъ, допрашивавшихъ своевольно генерала г. Леонтіева и лекаря Ивана Богородскаго, обоихъ потомъ отъ побоевъ умершихъ, собственноручно подписались во свидѣтельство на показаніяхъ, вынужденныхъ отъ тѣхъ чиновниковъ, о чемъ они священники своему начальству доселѣ знать не дали. 2-е. Священникъ Свѣтловъ нынѣшняго года въ день праздника Св. Апостоловъ Петра и Павла назначенную по росписанію дух. правленія проповѣдь свою говорилъ въ Петропавловской градской церкви безъ цензуры и подписа опредѣленнаго цензора проповѣдей о. архим. Серафима, также безъ цензуры и подписа его говорилъ онъ же Свѣтловъ свою проповѣдь въ день Успенія Богоматери въ Успенской градской церкви сего Августа 15-го числа. О чемъ на разсмотрѣніе таковыхъ поступковъ оныхъ священниковъ почтеннѣйше „доношу Новгородской Духовной Консисторіи“. Эта бумага была отправлена о. протоіереемъ 15 августа. А 26 августа онъ пишетъ и вторую бумагу въ консисторію. „Какъ въ дополненіе прежняго моего репорта, въ оную Консисторію отъ 15-го сего августа за № 6 посланнаго, коимъ донесъ я уже о подписѣ двухъ соборныхъ священниковъ и третьяго Троицкаго—на бумагахъ, составленныхъ при двухъ въ гор. Старой Руссѣ прошлаго іюня съ 11 на 12 и 21 числъ бывшихъ бунтахъ, такъ и во исполненіе указа оной Консисторіи отъ 17-го августа за № 3556 въ Старорусское духовное правленіе послѣдовавшаго, съ требованіемъ между прочимъ причины, почему правленіе о прикосновенности къ помянутымъ бунтамъ лицъ духовнаго званія донинѣ не донесло своему начальству, симъ почтеннѣйше доношу Духовной Консисторіи, что какъ неоднократно говорилъ я со членами духовнаго правленія, градскому благочинному священнику Варѣоломею Аммосову и соборнымъ священникамъ Свѣтлову и Никольскому, дабы первые согласились со мною на своевременное и немедленное по силѣ указовъ донесеніе начальству о происшествіи бунтовъ и о прикосновенности лицъ изъ духовнаго званія, а вторые также донесли бы духовному правленію о прикосновенности другихъ и сво-

ей, въ чемъ она и какъ случилась; и они на сіе нимало не вняли со времени бунтовъ и до половины Августа сего: то я рѣшился одинъ отъ лица моего донести Консistoriи въ 15 число сего мѣсяца, сколько могъ знать, о прикосновенныхъ священникахъ, поименованныхъ въ прежде посланномъ репортѣ. И потому особенно медленность въ моемъ донесеніи состояла, что я въ первый бунтъ въ крестномъ ходѣ на площади не былъ и безъ письменнаго обстоятельнаго раскрытія прикосновенности прикосновенныхъ достоверно донести не могъ“.

Можно представить себѣ переполохъ бѣдныхъ священниковъ, которые были на самомъ дѣлѣ такъ же мало виноваты, какъ и архимандритъ Серафимъ, и однако могли ждаты для себя всякихъ непріятностей. Вѣроятно рачительность по службѣ о. протоіерея глубоко задѣвала ихъ. Человѣкъ, видѣли они, хотѣлъ выслужиться, пользуясь несчастіемъ другихъ.

И нужно радоваться, что Сенать, разбиравшій дѣло о бунтѣ, постановилъ означенныхъ священниковъ не подвергать никакому взысканію и оставить свободными.

Но какова, спроситъ читатель, была судьба архимандрита Серафима?—Когда Сенатомъ было установлено, что архимандритъ Серафимъ не только правъ по дѣлу о бунтѣ, но и заслуживаетъ награды, консistoriя, конечно, опредѣлила его возвратитъ въ Старорусскій монастырь. Возвратился ли онъ туда хотя на время, не знаемъ, потому что о результатахъ Сенатскаго рѣшенія дѣла консistoriя была увѣдомлена въ апрѣлѣ 1834 года, а 2 іюня архимандритъ Серафимъ указомъ Св. Синода былъ переведенъ во второклассный Царево-Константиновъ монастырь Владимірской епархіи. Впрочемъ митрополитъ Серафимъ соглашался ходатайствовать о его награжденіи „за похвальныя дѣйствія, оказанныя имъ во время бунта, и напрасное потерпѣніе“. *).

Разныя извѣстія.

16 января исполнилось 10 лѣтъ со времени кончины архимандрита Іакова, бывшаго настоятеля Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Память о немъ среди братіи и мѣстныхъ жителей нисколько не ослабѣла, а напротивъ, дѣлается сознательнѣе и

*) Сост: по дѣлу архива Новг. Консисет. 1831 г. № 224 по Стар. у.

благоговѣйнѣе. Многіе изъ богомольцевъ, выходя изъ церкви послѣ службы, считаютъ долгомъ помолиться на могилѣ почившаго. У памятника почти всегда можно видѣть кого-либо, или изъ братіи или мірянъ. Чѣмъ же заслужилъ почившій такую о себѣ добрую память? Тѣмъ, во первыхъ, что онъ былъ истинный монахъ и, во вторыхъ, истинно—евангельскимъ отношеніемъ къ ближнему и не знавшею границъ благотворительностію бѣднымъ. Богу одному были вѣдомы келейныя его монашескія подвиги. Но всѣмъ вѣдомы его подвиги молитвенные въ храмѣ Божіемъ при совершеніи общественнаго богослуженія. Самъ истинный монахъ, почившій былъ опытнѣйшимъ руководителемъ монашескаго воспитанія. На себѣ испыталъ онъ весь трудъ иноческой жизни, обогатился опытами другихъ; поэтому онъ прекрасно видѣлъ духовнонравственное состояніе руководимыхъ имъ иноковъ; зналъ онъ и умѣлъ дать совѣтъ и наставленія соотвѣтственно нравственному состоянію каждаго. Мірскимъ почившій былъ извѣстенъ больше своею благотворительностію. Никто нуждающійся не уходилъ отъ него безъ помощи. Онъ помогалъ всѣмъ: совѣтомъ, вещами, деньгами и часто раздавалъ все, что имѣлъ; особенно не жалѣлъ для больныхъ. Въ одно время почившій спасъ многихъ отъ голода какъ городскихъ мѣщанъ, такъ и жителей окрестныхъ деревень. Не удивительно послѣ этого, что о. Іаковъ былъ уважаемъ образованнымъ обществомъ и любимъ простымъ народомъ, который чтилъ его, какъ праведника.

Ко дню десятой годовщины со времени смерти архим. Іакова памятникъ надъ могилою почившаго почитателями его былъ украшенъ вѣнками. 16 января послѣ ранней обѣдни на могилѣ его была отслужена литія, а послѣ поздней великая панихида въ храмѣ и снова литія на могилѣ. Народу, несмотря на будничныи день, было много. Богомольцамъ послѣ литіи у памятника раздавали бесплатно только что вышедшія изъ печати поученія Архимандрита Іакова.

Іером. *Антоній.*

Русскій народъ уже давно привыкъ выслушивать отъ духовенства, какъ оно при помощи разныхъ соображеній отъ св. Писанія старается оправдывать справедливость существующихъ порядковъ. Это въ связи со многими другими обстоятельствами вызвало взглядъ на духовенство, какъ на особаго рода чиновниковъ и подорвало его авторитетъ въ качествѣ служителей Божіихъ. И вотъ теперь съ возвѣщеннымъ измѣненіемъ въ Россіи

государственнаго строя, казалось, наступилъ для духовенства очень удобный моментъ, разъ навсегда отказаться отъ несвойственной ему дѣятельности и ясно для всѣхъ показать себя служителями одной только вѣчной правды. Превжній строй палъ почти внезапно. Уже одно это должно было ярко обнаружить передъ сознаниемъ духовенства преходящее значеніе государственныхъ порядковъ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ духовенства вмѣстѣ съ новыми теченіями общественной жизни открыто продолжаютъ по существу прежнюю дѣятельность, но лишь въ новомъ направленіи, соотвѣтствующемъ духу времени. Къ удивленію они принялись теперь всячески порицать отмѣненный режимъ и оправдывать новый, и все это во имя Божьей правды и соображеній отъ Писанія и христіанства. Въ атмосферу церковной жизни, цѣлая столѣтія обильно насыщавшюся увѣреніями духовенства о высшей справедливости существовавшаго строя, теперь врываютея противоположныя мысли и разсужденія, доказывающія несогласіе его съ правдой Божіей и требующія во имя христіанства новыхъ конституціонныхъ порядковъ. Паства окончательно сбивается съ толку, многіе приходятъ къ опасному убѣжденію, что наши пастыри едва-ли способны быть свѣтомъ міру, высоко и твердо держать вѣчные идеалы жизни независимо отъ случайныхъ внѣшнихъ переменъ. (Колоколь.).

Казань. Распоряженіемъ епархіальнаго начальства отстранены отъ должности три священника, одинъ діаконъ и одинъ псаломщикъ за распространеніе крамольныхъ идей.

Симферополь. Ялтинскій благочинный уволенъ за самовольный созывъ собранія, обсуждавшаго политическіе вопросы. (Нов. Вр.).

Въ «Южномъ Краѣ» напечатано слѣдующее предложеніе архіепископа Арсенія харьковской духовной консисторіи:

«Нѣкоторые пресвитеры г. Харькова безъ моего благословенія самовольно устраиваютъ собранія, въ которыхъ обсуждаются различныя вопросы о современномъ теченіи жизни, и составляютъ по нимъ особыя резолюціи отъ имени харьковскихъ священниковъ. Напоминаю симъ пресвитерамъ правило 39-е св. апостоловъ, по коему пресвитеры безъ воли своего епископа ничего да не совершаютъ, и 41-е, по которому пресвитеры, самочинно устраивающіе собранія, подлежатъ изверженію. Предупреждаю, что если пресвитеры дерзнутъ и впредь что-либо подобное чинить, то будутъ преданы церковному суду на основаніи вышеизложенныхъ правилъ или же съ ними будетъ поступлено согласно опредѣленію Св. Си-

нода отъ 20 декабря 1905 г., а въ крайнемъ случаѣ я вынужденъ буду просить Св. Синодъ объ исключеніи ихъ изъ харьковской епархіи для поступленія въ другія епархіи, гдѣ пожелаютъ принять ихъ епархіальныя начальства. При семъ вышеозначенные священники отдаются подъ особый надзоръ консисторіи и мѣстнаго благочиннаго». Согласно тому же предложенію, одинъ изъ мѣстныхъ протоіереевъ «за много разъ замѣченныя за нимъ вольности» низводится на вторую вакансію священника. (Колоколь)

Полтава. Неблагонадежныя священники уѣзда отстраняются епархіальнымъ начальствомъ отъ должностей.

Совѣтъ министровъ приступаетъ къ составленію временныхъ правилъ для осуществленія возвѣщенной манифестомъ 17 октября свободы совѣсти. Эти работы не будутъ имѣть ничего общаго съ трудами совѣщанія гр. А. П. Игнатьева по согласованію узаконеній съ началами вѣротерпимости. Если первоначально предполагалось лишь разрѣшать лицамъ, перешедшимъ изъ другихъ исповѣданій, возвращаться вновь къ первоначальной религіи, то, по принципамъ 17 октября, разрѣшеніе это будетъ даваться и кореннымъ православнымъ, пожелавшимъ перейти въ какую-либо иную религію. Первымъ слѣдствіемъ подобнаго перехода является вопросъ объ измѣненіи метрикъ. Вопросъ этотъ былъ разработанъ министерствомъ юстиціи. По первоначальному проекту предполагалось каждому желающему измѣнить свою религію обратиться въ окружной судъ, гдѣ бы его ходатайство разсматривалось бы въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства. Затѣмъ, если бы судъ не нашелъ никакихъ препятствій, онъ отъ себя сообщаетъ тѣмъ религіознымъ учрежденіямъ, вѣроисповѣданіе которыхъ принимаетъ проситель. Свое же метрическое свидѣтельство съ постановленіемъ суда перемѣняющій религію предъявляетъ въ учрежденіе своей первоначальной вѣры для соотвѣтственной отмѣтки. Этотъ проектъ переданъ на заключеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, которое считаетъ необходимымъ значительно его упростить. Кромѣ вопроса о метрикахъ для полного осуществленія свободы совѣсти предстоитъ разсмотрѣть также и вопросъ о бракахъ, которые не всегда возможны между иновѣрцами по каноническимъ правиламъ. Это послѣднее обстоятельство приводитъ къ необходимости разработать институтъ гражданскихъ браковъ. Предполагается также урегулировать гражданскую сторону семейныхъ отношеній особой категоріи лицъ, извѣстныхъ въ

Германіи подь названіемъ confessionlos. Подь послѣдними разумѣють тѣхъ, которые, вступая въ бракъ съ иновѣрцами, нарушаютъ каноническія правила своей религіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ религіи этой не оставляютъ. Съ урегулированіемъ метрикъ Совѣтъ Министровъ очень торопится. Что же касается детальныхъ вопросовъ практическаго осуществленія свободы совѣсти, то пока они едва лишь намѣчены. (Нов. Вр.).

Содержаніе № 5.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.—Епархіальныя извѣстія—Движеніе и перемѣны по службѣ.—Праздныя вакансіи.—Отъ Новгородскаго Отдѣла Палест. Общ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.—Атеисту о хиротоніи.—Христіанская благотворительность.—Ростъ добра.—Въ глуши.—Общенародное пѣніе въ предѣлахъ нашей епархіи.—Положеніе духовенства въ наше время.—Духовенство должно стоять внѣ полит. партій.—Желательное въ жизни нашихъ монастырей.—Мысли педагога.—Старорусское духовенство во время бунта въ 1831 г.—Разныя извѣстія.

Редакторъ, преподаватель Семинаріи *Владиміръ Финиковъ*.